

A man with a beard and glasses, wearing a flat cap and a light-colored shirt with suspenders, is shown in profile. He is holding a smoking pipe, and a plume of smoke is rising from it. The background is dark and textured.

Елена Батмазова
НЕПОТОПЛЯЕМЫЙ

**Что если ты проснёшься
другим человеком...**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Батмазова

Непотопляемый. Рассказы

«Автор»

2024

Батмазова Е.

Непотопляемый. Рассказы / Е. Батмазова — «Автор», 2024

Что если бывший член преступной группировки из Екатеринбурга столкнется со своей тенью на Сицилии? Что если журналистка из России отправится в Германию и узнает шокирующую тайну о своей семье? Что если два недруга из-за непогоды застрянут на высокогорном плато Кавказа и будут вынуждены спасать друг друга? Что если однажды ты проснёшься другим человеком? Люди из разных стран с различными взглядами, культурным и социальным бэкграундом волей судьбы попадают в ситуацию, которая меняет их привычные жизненные шаблоны.

© Батмазова Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Поздний ужин в Шарлоттенбурге	5
Лучшие томаты на Сицилии	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Елена Батмазова

Непотопляемый. Рассказы

Поздний ужин в Шарлоттенбурге

*"Мицению и позору хотим мы предать всех, кто не подобен нам" –
так клянутся сердца тарантулов.*

Фридрих Ницше

Берлин накануне Рождества. Хмурый дождливый город спасали от вселенской тоски только красочные ярмарки с морем огней, глинтвейном и сияющим колесом обозрения на Александрплац. Из этого диссонанса рождалась какая-то странная красота, совершенно не объяснимая словами, балансирующая на грани между радостью и грустью. Серая мантия дождя городу была к лицу, и служила декорацией, на фоне которой происходило вот что: молодая женщина обессиленно прислонилась к грифельной стене дома по улочке Ксантенер Штрабе в районе Шарлоттенбург-Вильменсдорф. Ее белокурые волосы, пропитанные влагой, свисали сосульками, изморось нанизывала едва различимые прозрачные бусины на ресницы. Час назад она выскочила из подъезда солидного дома послевоенной постройки за несколько кварталов отсюда и долго блуждала по мокрым улицам, пытаясь найти дорогу к отелю, все время сбивалась с пути, сворачивала не туда.

То, что сейчас происходило, нельзя было отнести к ее личной трагедии. Это случилось давным-давно в каком-то параллельном мире с другими людьми. Иной на ее месте просто пережил бы ощущение сенсации, но для мокнущей под берлинским небом женщины эта история переворачивала с ног на голову все представления о логике жизни, о правильности избранных способов мышления, о рамках и границах, которых нет и которые существуют только в нашем воображении.

На площади Жандарменмаркт возле Берлинского драматического театра вспыхнули ключие многоконечные звезды, венчавшие макушки белых рождественских шатров с сувенирами и лакомствами. Над Бранденбургскими воротами колесница богини победы, непредсказуемой и воинственной, летела прямо сквозь мрачные мохнатые тучи, а за нею все гуще пылила ночь. Этот город, не подсвеченный снегом, прекрасный и чужой, стал местом откровений, от его громкого шепота хотелось заткнуть уши руками.

В ресторане на углу Ксантенер Штрабе зажгли пестрые витражные люстры-abajуры в стиле «тиффани». Женщина отлепилась от стены и направилась в сторону светящихся окон. Там ее ждали.

* * *

Бокал с шардоне был слегка запотевшим, ледяным на ощупь, и, если смотреть сквозь хрупкость стекла на прозрачные стены аэропорта Внуково, вино казалось слегка разбавленным морозной вечерней синевой. Именно этим и занималась темноволосая молодая женщина в джинсах, уггах и сером свитере, сидевшая в полупустом ресторане вдали от стоек регистрации: разглядывала мир сквозь бокал шардоне. Стекло и металл окружающего пространства. Официанта, протиравшего соседний столик. Быстро приближающуюся женскую фигуру, слева от которой бодро бежал, шевеля колесиками, пластиковый черный чемодан с матрешкой на крышке. То есть, меня. Кристину. И она увидела то, что должна была увидеть: мне невыносимо скучно. Вы, наверное, думаете, что шла я с кислым лицом? Ха-ха, ну кто же отправляется

в отпуск, в рождественскую Европу, с подобной физиономией? Нет-нет, у меня было весьма приподнятое настроение, которое я собиралась приподнять еще сильнее при помощи бокала какого-нибудь там мерло или кьянти. Но мне было скучно, это факт. Что видели окружающие, когда я шла по аэропорту? Девушку славянского типа, с голубыми глазами, светлыми волосами, колоссящимися сложной косой, в красной куртке Bosco Sport с надписью Russia на рукаве... ну, и как уже было сказано, с румяной матрешкой на чемодане. Думаю, начини я сию минуту распевать русские частушки, никто бы, пожалуй, сильно не удивился, а иностранцы приняли бы это действие за некий перформанс, устроенный пиарщиками аэропорта. Советская школьница Катя Лычёва, осуществляя исторический визит к американцам в 1986-ом, не могла бы принарядиться лучше. Ну, а я решила привнести немного лубочной славянской культуры на территорию несостоявшихся арийцев. В тот момент я почему-то была твердо уверена в том, что мне не хватает приключений, а им, с их «арбайтен унд дисциплинен» – впечатлений. Кто же знал, что хрестоматийная мудрость «бойтесь своих желаний – они могут исполниться», сработает так буквально...

Любительницу шардоне в сером свитере звали Ольга. Моя подруга. Мы обнялись, и тут надо отметить первую, еще не заявившую о себе в полный рост, сложность этого берлинского вояжа: в ребра Ольги острым углом уперся предмет, зажатый у меня под мышкой.

– Что это у тебя? – спросила Ольга и потянула на себя плоский квадратный объект, завернутый в серебристую бумагу. – Картина?

Я кивнула.

– Картина. Но больше похоже на геморрой.

– Моя тетя страдает геморроем, так что, поверь, он выглядит по-другому, – усмехнулась Ольга. – Это подарок кому-то?

Я помедлила с ответом. Честно говоря, я и сама не знала, какого черта на мою голову свалился этот багаж. Накануне поездки дед попросил навестить его. В гости я заходила с тортом «Прага», а вышла уже с этой странной картиной, которую обязалась доставить по неизвестному мне берлинскому адресу неизвестной немецкой женщине с неизвестной целью. Официальная версия звучала так: друг деда, художник Аркадий Фомич, не на шутку занемог и, имея многочисленных друзей по всему миру, решил разослать им на память о себе некоторые из своих работ. И, поскольку уж Кристина в любом случае едет в Берлин, то почему бы ей не передать презент лично в руки адресату? Ну да, все так и было. Вот вы бы нашли, что возразить любимому деду, который всегда был негласным авторитетом, человеком, с мнением которого вы волей-неволей соизмеряли свои поступки и решения? Я не нашла. Хотя вся история с передачей картины казалась мне чем-то высосанным из пальца, особенно, когда я увидела, что на ней изображено...

В общих словах я поведала об этом Ольге. Она немедленно захотела посмотреть, но я пообещала показать в отеле, после того, как куплю новую упаковочную бумагу.

Официант поставил передо мной бокал кьянти.

– Хорошо, но это же никак не должно помешать нам? Ты знаешь адрес, по которому нужно доставить картину? – сказала Ольга.

– По месту работы, – я потыкала в кнопки смартфона. – Аксель Шпрингель... Адрес... Это по-немецки, вот, посмотри: Axel-Springer-Straße 65.

Ольга посмотрела излишне пристально и уточнила:

– А звать?

– Марта Нойманн.

– Марта Нойманн?

– Да.

– Марта Нойманн?

– Ну да.

– То есть ты хочешь сказать, что немку, которой ты везешь картину, зовут Марта Нойманн и работает она прямо-таки в Аксель-Шпрингель? Чья дочерняя компания до недавнего времени издавала русский Forbes?

– Ммм... видимо, да.

– Марта Нойманн?

– Да, блин, Марта! Нойманн! – вскричала я, подозревая, что это уже пятый бокал шардоне, который выпила Ольга в ожидании меня. – Почему ты постоянно повторяешь это имя?

Ольга отхлебнула еще вина. По правде сказать, это был всего лишь первый бокал, но после услышанной информации он показался ей казался почти пятым. Это она озвучила чуть позже.

– Марта Нойманн... – решила, наконец, объяснить Ольга.

– Что?! Опять?

– Послушай. Марта Нойманн – это та самая стерва, которая в прошлом году устроила антипиар Российской Федерации. А наш главный редактор получил от руководства по шее за то, что так любезно привечал ее в информагентстве.

Я наморщила лоб и утопила взор в рубиновом кьянти, словно оттуда, со дна бокала, мог всплыть образ загадочной Марты Нойманн. Тут до меня дошло:

– Эмм... Железные дороги... Путешествие из Петербурга в Москву...

– Именно, – хлопнув ладонью по столу, сказала Ольга. – Это она.

Я ошарашенно откинулась на спинку кресла. Ольга достала планшетник.

В ходе дальнейшей беседы, прерываемой поисковыми запросами в Google, удалось пролить немного света на темную личность госпожи Нойманн и восстановить хронологию ее скандальных взаимоотношений с Российской Федерацией.

Журналист и писатель Марта Нойманн родилась в столице Германии в 1961 году, незадолго до возведения стены. Ее детство, отрочество, юность прошли в Западном Берлине «на фоне позорной демаркационной линии, кроваво разрубившей живой организм города надвое», как писала госпожа Нойманн в своих воспоминаниях. Окончив университет, она поступила работать в газету, обнаружив литературные способности и склонность к производству серьезных аналитических материалов. Работала специальным корреспондентом во Франции, Англии, Израиле. Написала несколько книг, посвященных межкультурным коммуникациям и ментальности европейских народов. В последние годы публиковала статусные передовицы в Die Welt и преподавала журналистику в немецких университетах. Пару лет назад одна общественная российская организация, спонсируемая группой бизнесменов-либералов, предложила Марте Нойманн принять участие в большой культурологической программе при поддержке Представительства Евросоюза. Целью программы было разъяснение россиянам европейских ценностей и образа жизни, развитие туризма, повышение интереса к зарубежному образованию. Словом, типичные межкультурные коммуникации, в которых так поднаторела госпожа Нойманн. Целый год она металась на «Сапсане» между Москвой и Санкт-Петербургом, читая лекции в учебных заведениях обеих столиц. Иногда, впрочем, брала билеты в плацкарт на обычный не скоростной поезд. Самолетами практически не пользовалась. Как выяснилось позже, на то был свой резон.

– «Если хотите лучше узнать русских, отправляйтесь вместо аэропорта на железнодорожный вокзал, купите билет на поезд до самой далекой точки на карте, на какую только сможете решиться как путешественник. С каждым преодоленным километром пространства эта поистине необъятная страна будет открываться вам в ракурсе, который вы никогда не увидите из иллюминатора самолета, особенно если летаете бизнес-классом. В моем случае из-за плотного рабочего графика это было всего лишь путешествие из Петербурга в Москву, однако, как заметил еще в 18 веке русский писатель Александр Радищев, и этого вполне достаточно, чтобы

сделать выводы о царящих здесь нравах и тяжелой экономической ситуации...» – вслух читала Ольга перевод статьи Марты Нойманн.

– То есть она с улыбкой приходила на лекции. Получала за это огромные гонорары. Жила в лучших отелях. Подсаживалась в поездах к ничего не подозревающим людям, рассказывая о том, как ей здесь нравится, а сама в это время... – комментировала я.

– А сама все это время писала вот этот вот опус, – подтвердила Ольга.

Итак, «с каждым преодолённым километром пространства этой поистине необъятной страны» риторика Марты Нойманн звучала все более неприязненно. «Сапсан», писала она, этот стремительный поезд, названный в честь сокола (а соколиная охота, как известно, любимое развлечение русской аристократии), на самом деле довольно плохо вписывается в российскую действительность. Ведь построен он немецкой компанией Siemens и рассчитан на современную высокотехнологичную инфраструктуру, которую русские до сих пор не в состоянии создать, как и обеспечить безопасность пешеходам. Сегодня «Сапсан» превратился в поезд-призрак, который возникает внезапно и бесшумно, обдавая пространство мощной воздушной волной, которая сбивает людей с ног, затягивая их под колеса. За годы эксплуатации «Сапсана» в России никто так и не озаботился тем, чтобы построить нормальные пешеходные переходы, организовать систему светового и звукового оповещения, предупреждающую о приближении экспресса...

– Дело, видишь ли, в том, что на одной из презентаций Марта Нойманн познакомилась с главным редактором нашего информагентства и смогла втереться к нему в доверие. Он пригласил ее на пресс-конференцию Российских железных дорог и представил одному из топ-менеджеров. Она долго восхищалась тем, как организовано железнодорожное сообщение в нашей стране, топ-менеджер размяк, отвечал ей на все вопросы, наболтал лишнего... – пояснила Ольга.

Этот самый топ-менеджер РЖД был выведен в очерке в самом неприглядном свете: в его ответах немецкой журналистке слышалось лукавство, а глаза он постоянно отводил в сторону.

Хорошенько проехавшись по Российским железным дорогам, Марта Нойманн перешла к бытописанию пассажиров. Здесь были русские женщины с силиконом во всех возможных местах, еще четверть века назад считавшие за счастье переехать из терпящей бедствие страны в любую захолустную немецкую деревеньку, а ныне высокомерно взирающие на иностранок, считая себя эталоном красоты. Они раскрывали золотистые «макбуки», садясь в «Сапсане» у окна, и хищно оглядывали вагон в поисках интересного мужчины. С мужчинами, замечала госпожа Нойманн, в России тем временем было негусто, более того – они демонстрировали явные признаки вырождения. Далее шла врезка про тяжелое демографическое положение русских. Затем журналистка пересаживалась в плацкартный вагон обычного поезда и пересказывала заунывные истории, услышанные ею от простых пассажиров без «макбуков», которые перебивались с хлеба на воду, болели, страдали – в том числе и от отсутствия свободы слова.

– Она что – знает русский? – заинтересовалась я.

– Ну да, вот же она пишет: «Весь этот год, проведенный в России, я с благодарностью вспоминала маму, которая заставляла меня учить русский язык, казавшийся таким сложным, неактуальным в повседневной жизни, воскрешающим самые неприятные воспоминания моего детства...»

Я нервно кашлянула и допила кьянти. «В комнату под видом человека вполз Яков Гусарин...» – пришла на ум метафора собственного сочинения, имевшая отношение к особым состояниям креативного продюсера телеканала, на котором я работала. В такие моменты он медленно вливался в кабинет и, щуря близорукие глаза, зловеще шепелявя, устраивал разнос подчиненным. Метафора тут же пошла в массы. Гусарин получил кличку Аспид и долго бесновался, случайно об этом узнав. О первоисточнике, к счастью, никто не вспомнил, поэтому образ вползающего аспидом продюсера был приписан авторству коллективного бессознатель-

ного. Безусловно, как и у Гусарина, промилле яда на кончике языка Марты Нойманн превышало все допустимые для среднестатистического человека нормы. Но Аспид, по крайней мере, был свой, хорошо знакомый, предсказуемый, а вот кто эта ушлая, лицемерная женщина, которую мне предстояло отыскать на чужбине?

– Ну, по большому счету, нельзя ведь сказать, что она все это выдумала, – задумчиво произнесла Ольга. – Гибли же люди под «Сапсаном»? Гибли. Деревеньки на пути из Петербурга в Москву такие, что без слез не взглянешь. Тетки с силиконом у нас тоже на каждом шагу. Мужчины... кхм... демонстрируют явные признаки этого...

Мы прыснули. Я заметила, что в тексте не хватает медведя в шапке-ушанке, у которого в одной лапе бутылка водки, а другой он рулит танком.

Вот уже пару лет мы путешествовали вместе. Думаю, я привносила оживление в размеренную манеру Ольги рыться в путеводителях, досконально планировать маршрут, делать протокольные фотографии на фоне Эйфелевой башни, с наслаждением застревать в гигантских аутлетах, часами примеряя две почти одинаковые юбки. Прохладное здравомыслие Ольги слегка умирало мои порывы схватить эту увертливую жизнь за гриву, оседлать, помчаться галопом и уже потом разбираться с последствиями – как тогда, в темной арке, когда я устремилась за французским клошаром, очарованная его странным пестрым шарфом и манерой подпрыгивать на ходу. Ольга, выхватив у меня сумку с паспортом и кошельком, решительно зашагала прочь от зловонных парижских тайн. Ничего не оставалось, как поплестись за ней.

Недавно нам исполнилось по тридцать три. Когда-то мы вместе заканчивали факультет журналистики МГУ, были в то время дружны, но затем потеряли друг друга из виду. Ольга Тихомирова возглавляла отдел экономики в информационном агентстве, а я, Кристина Сергеева, снимала военно-патриотическую документалистику на телевидении. Как-то на одной весьма бурной встрече однокурсников, неудачно совпавшей с солнечным затмением, я наткнулась в самом темном углу ресторана на рыдающую Ольгу, намертво вцепившуюся в бокал с виски, точно астматик – в спасительный ингалятор. Ничего удивительного в этом не было, ибо в тот момент практически в каждом углу заведения рыдало по девушке, а на свободном пространстве возле барной стойки трясли друг друга за грудки, припоминая старые обиды, двое верзил – корреспонденты «Ведомостей» и «РБК». Ольгу часто сравнивали с одной из девушек Бонда – актрисой Евой Грин: надменный подбородок, большие беспокойные глаза, фарфоровая кожа, волна смоляных волос. В тот вечер ее агент 007 – статный сероглазый банкир – позвонил из командировки и сообщил, что подает на развод. Встретил другую. Ольга была его второй женой, брак длился всего-то полтора года. Что ж, очевидно не стоит рассчитывать на вечную любовь, если к вам на пресс-конференции подходит красавец в кипенно-белой рубашке и говорит, что он Бонд. Джеймс Бонд. Даже если при этом вы так похожи на Еву Грин... Глотая слезы, Ольга то снимала, то надевала обручальное кольцо с маленьким изящным бриллиантом. В конце концов, соскользнув с ее пальца, кольцо с тихим всплеском опустилось на дно бокала, золотистая гладь виски сомкнулась над ним.

– Коктейль «Титаник», – не подумав, ляпнула я и тут же в тревоге вскинула глаза на Ольгу, ожидая, что та зарыдает еще сильнее. Но, вопреки опасениям, Ольгу это рассмешило. Глядя в зеркальце от пудреницы, она осторожно вытерла размазанную тушь, и запила шутку горьким коктейлем, приготовленным по собственному рецепту.

Потом Ольга говорила, что именно я в значительной степени помогла ей выбраться из состояния опустошенности. Каждые выходные я заезжала за ней на своей красной «хонде» и везла завтракать в какое-нибудь уютное местечко на Патриарших прудах или близ Новодевичьего монастыря. Водила на выставки. Приносила интересные книги. Веселила. Молчала за компанию.

...У стойки регистрации Germanwings уже собралась очередь, по счастью, не очень большая. «Зачем тебе «Аэрофлот»? – безапелляционно сказал Ольге ее коллега, считавшийся

экспертом по Германии, когда она заикнулась о поездке в Берлин. – Лети Germanwings, это же дочка Lufthansa, отличный лоукостер, цена-качество – все в самый раз. И потом – что может быть надежнее немецкой авиакомпании?» Несколько месяцев спустя, когда ввалившийся в депрессию пилот «немецких крыльев» направил свой «аэробус» в альпийскую скалу, коллега-советчик, улетая в очередную заграничную командировку, немедленно пересел на рейс «Аэрофлота», бормоча что-то вроде «ну, кто бы мог подумать, а?» Но очевидно, что сейчас кое-кто в очереди все-таки подумывал о такой чудовищной вероятности задолго до того, как она стала реальностью.

– Дддевушки... а вы когда-нибудь летали этим лоукостером? – сказал кто-то прямо мне в ухо, обдавая густыми коньячными парами. Вздрогнув, я обернулась. Позади стоял молодой человек в оранжевом пуховике нараспашку. Под пуховиком – желтый джемпер, в вырезе которого виднелся краешек синей футболки. У незнакомца было приятное интеллигентное лицо, его глаза сквозь фильтр очков в золотистой оправе казались большими и тревожными. Я немедленно дала ему прозвище Канарейка.

– Нет, мы впервые.

– Черт, мне срочно надо выпить, – расстроился Канарейка и нервно потер переносицу указательным пальцем. – Нет, я, конечно, выпил, но... эта турбулентность... знаете, хуже всего, турбулентность... в этом небесном автобусе так трясет...

Следующие двадцать минут Канарейка щебетал без умолку, даже слегка расслабился и заулыбался. Мы, пожалели, что заблаговременно не прошли регистрацию онлайн. Сдав багаж и получив посадочные талоны, мы отправились в вояж по дьюти-фри, время от времени замечая краем глаза апельсиновый пуховик, мелькающий то у полок с алкоголем, то у входа в паб.

И вот самолет взмыл в воздух, поплыл над снежными полями. Сорок минут спустя выяснилось, что на борту бомба. Обнаружилось это обстоятельство ровно в тот момент, когда тишину салона внезапно взорвал чей-то красивый тенор.

Ein Sommerkreis
In Blau und Weiß
Das hat ein Junge gezeichnet.
Und aufs Papier
Schreibt er dann hier
Worte, die jetzt singen wir:
Immer scheine die Sonne,
Immer leuchte der Himmel,
Immer lebe die Mutti,
Immer lebe auch ich!

– Мама, я знаю эту песню, я в школе слышала, – громко сказала девочка, сидевшая впереди нас. – Солнечный круг, небо вокруг, это рисунок мальчишки... нарисовал он на листке и написал в уголке...

Immer scheine die Sonne,
Immer leuchte der Himmel,
Immer lebe die Mutti,
Immer lebe auch ich!

– радостно подтвердил ее предположение тенор.

Пассажиры, из которых три четверти были немцами, растерянно улыбались и вытягивали шеи в надежде разглядеть певца солнца и неба. Тот недолго хранил интригу: над местом

9b вдруг возник желтый джемпер с краешком синей футболки в вырезе, сверкнули стекла очков. Канарейка дирижировал, размахивая руками, приглашая всех пассажиров составить ему компанию в распевании старой песни времен Варшавского договора. В округлившись глазах немецких стюардесс можно было разом прочесть все должностные инструкции по поведению в критических ситуациях, а также то, что такой случай у них на борту впервые и как действовать они не знают. Остолбенение, впрочем, длилось всего несколько секунд: к Канарейке подскочили, усадили на место, запретили голосить, а также отказали в покупке бокала красного вина. Ей-богу, я впервые видела стюардесс с такими суровыми сосредоточенными лицами и почему-то легко представила их марширующими в строю. Я как раз брела к своему месту из туалета, когда была схвачена одной из бортпроводниц за плечи жесткими жилистыми руками и резко сдвинута в сторону, чтобы она могла добраться до Канарейки.

Обалдевшая, я тихо уселась в кресло и пристегнула ремень.

– Тут не забалуешь, – сказала Ольга и подмигнула.

Оставшееся время полета было в основном посвящено усмирению Канарейки, который остро нуждался в общении, а потому пытался бродить по салону и беседовать с пассажирами на ломаном немецком. Он был мил, дружелюбен и несколько даже незащищен, что, впрочем, не помогло ему смягчить сердца стюардесс. Они загнали его на место. В конце концов, Канарейка утомился и уснул.

Я смотрела в иллюминатор, во мглу. Потом прикрыла глаза, погружаясь в странное состояние между сном и явью, и почти сразу из закоулков сознания возник детский хор, звонко, уверенно выводивший:

– Солнечный круг, небо вокруг,
Это рисунок мальчишки.
Нарисовал он на листке
И написал в уголке:
Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я!

Левая ладонь снова чувствовала гладкие стебли тюльпанов, правая – шершавую ладонь деда, и метались в зрачках всполохи вечного огня в маленьком парке, сохранившемся только в памяти.

* * *

Я никогда не различала между собой Дни Победы – все они, словно кусочки смальты составляли одну большую мозаику, один-единственный День, бесконечно раскинувшийся во всех измерениях. Он всегда состоял из солнечных всплесков в окнах домов, радостного гула улиц, красных – непременно красных – тюльпанов и гвоздик, теплого дуновения вечного огня на лице, когда склоняешься, чтобы уронить алую каплю букета в океан цветов. Но тот праздник мне почему-то виделся отчетливее остальных. Был май 1991 года. Дед, большой, сильный, добродушный, как сенбернар, шел по аллее парка, держа за правую руку семилетнюю меня, судя по фото, похожую на щекастую белокурую куклу с двумя гигантскими бантами на голове. Слева шла сестренка Жанна, такая же белокурая и голубоглазая, но ей было уже десять, она чувствовала себя взрослой и держаться за руку деда немного стеснялась. Все, что я знала к этому моменту о Дне Победы, заключалось в трех фактах: это великий праздник; семью бабушки убили немцы; дедушка рос в детдоме, который разбомбили фашисты, из всех воспитанников

спаслись только он и еще трое мальчишек. Этой информации было вполне достаточно для того, чтобы ощущать трепет и благоговение, даже ничего не зная больше об истории Второй мировой. Люди, которые окружали меня, всегда с почтением отзывались об этом празднике и, потому совершенно необъяснимой выглядела сцена, развернувшаяся в парке. Мужчина лет двадцати пяти, выкрикивая непонятное слово «оккупанты», двумя руками толкал в грудь другого мужчину лет пятидесяти с гвоздиками в руках. Вокруг них быстро собиралась толпа. За спиной агрессивного молодого человека стояли его приятели, размахивая трехцветным флагом с желтой, зеленой и красной полосами. У мужчины с гвоздиками был ошарашенный вид, он что-то говорил вполголоса, но что – я уже не помнила. Крупная, бравого вида женщина подскочила к парням с флагом, ухватила полотнище за край, попыталась вырвать, но ее оттолкнули.

– Дедушка, почему они дерутся? – спросила я.

Дед ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел на происходящее, и было в его лице что-то такое, что намертво врезалось в память. Нет, не злость, не возмущение, не удивление, как у других людей в толпе, – это было странное неопишное выражение печали и знания, как будто бы он смотрел на то, что уже видел прежде и всегда боялся, что это случится вновь.

– А что это за флаг? – заинтересовалась Жанна.

– Это флаг Литвы, – сказал дед и, снова взяв нас за руки, зашагал дальше по аллее.

Разноцветные полоски литовского флага летом того же года много мелькали по телевизору. Я хорошо их запомнила. Литовская Республика первой объявила о выходе из состава СССР, ее независимость тут же была признана во многих странах мира.

Девяностые нарастали снежным комом, сметая все на своем пути. Связной истории, на фоне которой протекало мое взросление, я сейчас не смогла бы рассказать. Быть может, виной тому было «клиповое» мышление, которое столь удачно сопровождало мою нынешнюю работу на телевидении, но так или иначе, из коротких всплесков-флэшбэков – формировалась в памяти своя мозаика. И чем старше я становилась, чем серьезнее анализировала события, тем больше в этом многосоставном панно обнаруживалось откровенно мрачных оттенков.

...Подмосковный рынок. Глубокая беспросветная осень. Кленовые листья втоптаны в грязь. Кто-то разбил каблуком ледяное зеркало лужи. «Варежки-рукавички!» – раздаётся слева из лабиринтов с куртками и свитерами однообразный бабий голос. Справа тянет копченой рыбой, там продуктовые ряды. Примерно посередине стоим мы втроем: мама, тетя Зина и я десятилетняя. У тети в руках красивые рыжие сапоги, на которые она совершенно случайно «напала» в обанкротившемся магазине. На последние деньги закупила четыре пары. Три – себе, маме и бабушке, а четвертую – на всякий случай. Этот случай настал 11 октября 1994 года, в «черный вторник», когда российская экономика камнем ушла на дно. Месяц кое-как перебивались всей семьей, а в ноябре, когда кроме картошки в доме ничего не осталось, тетя Зина достала из шкафа лишние сапоги.

И вот трое в потасканных пальтишках мерзнут. Тетя Зина, сотрудница НИИ, стыдливо сует сапоги моей маме – редактору газеты. Та стыдливо держит их в руках, делает робкий шаг к потенциальному покупателю, отступает назад, едва не плачет... Отдает сапоги мне с шепотом «попробуй». Какое странное развлечение с претензией на самостоятельность!

– Тетенька, купите сапожки! – свой тонкий детский голос слышу, как сейчас, но словно бы со стороны.

На исходе дня сапожки проданы. Благодаря мне. Вечером были вкусные блинчики со сгущенкой. Но никогда, никогда, никогда в жизни я с тех пор не носила обуви рыжего цвета. И никогда больше не пыталась что-то продавать, почему-то поверив, что людям, которые занимаются наукой или журналистикой, торговать – стыдно. Позже, когда я запальчиво высказывала это мнение своим сокурсникам, многие цинично хмыкали и нарочно доводили меня до белого каления, насмехаясь над такой принципиальностью. В конце концов, я замолчала, но осталась при своем.

...Кухня шесть квадратных метров. За окном вьюга. Муж тети Зины, худой очкарик Саша, поднимает стопку со словами «ну, за искусство». Это тост генерала из фильма «Особенности национальной охоты», который недавно показали по телевидению. Фильм Саше очень понравился, и теперь он все время изучает телепрограмму в надежде посмотреть еще раз. Сашу уволили из конструкторского бюро, где он работал инженером, теперь они живут на зарплату тети Зины. По вечерам он пьет и пытается петь под гитару. Саша девочке Кристине нравится, потому что все детство он лепил с ней снеговиков и покупал шоколадки с полочки. А однажды они вместе спасли замерзающего у подъезда кота, который был назван Шпунтиком и поселился у тети Зины в платяном шкафу. Саша все время строит планы на весну: он найдет работу, купит всем шоколаду, на выходные они поедут в город Выборг, где есть прекрасный старинный парк Монрепо... Но работа так и не находилась, и весна так и не наступала. Однажды вечером Саша уснул пьяный в сугробе возле заброшенного кинотеатра, и не нашлось рядом никого, кто бы мог его спасти, как он спас Шпунтика. В тот вечер по телевизору снова показывали «Особенности национальной охоты».

...Подмосковные вечера. Дача, веранда, пахнет липой. По старинке – самовар. Время чаепития, но Дерек – высокий американец в клетчатой рубашке с закатанными рукавами – снова требует борщ. Он в совершенном восторге от этого русского блюда, и бабушка несет ему четвертую тарелку за день. Жанна наливает чай из самовара, наклонившись к середине стола. Она гибкая, тоненькая, коротко стриженная, с длинной шеей, и Дерек в перерыве между ложками борща не сводит с нее глаз. («Ну, какие они Жанна да Кристина?» – изумлялся Аркадий Фомич, дедушкин друг, художник. – Анюта да Манюта, чисто славянский тип. Что это за иностранщина у современных родителей в голове?») Жанне двадцать, она модель, часто бывает за границей, возвращаясь оттуда с нескрываемым раздражением по поводу того, что ей вообще приходится возвращаться. Из одной такой поездки она привезла Дерека, младшего партнера юридической фирмы в Лос-Анджелесе. Подружки Жанны следят за развитием их отношений, завистливо закусив губу. Все они хотят уехать. Все стыдятся своего отечественного происхождения. Все тестируют качество постельного белья в московских и зарубежных отелях до потеростей на спинах...

И вот я стою у деревянных перил, скрестив на груди руки, и с презрением наблюдаю за суетой, царящей вокруг американца. Сметанки? – Yes, sure! – А вот хлебушка? – Great! Ополовинив тарелку борща, Дерек откинулся на спинку стула и решил пофилософствовать о русских, какими он их себе представлял. В этот момент на веранде мы вчетвером – Дерек, Жанна, бабушка и я. Дед и Аркадий Фомич вышли в сад покурить. Русские, по мнению Дерека, были в целом неплохими людьми – как он успел убедиться, гостеприимными и веселыми, но в силу их беспробудного пьянства совершенно неспособными к самостоятельному управлению государством, давайте посмотрим на Ельцина. Вторую мировую войну они бы без американцев не выиграли, что бы они делали без ленд-лиза? Да, русские сражались, да умирали, но им было бы не победить без суровых морозов – yes, sure, Russian winter is a winner! Бабушка не знала английского, она с улыбкой слушала Дерека, подперев щеку рукой. Жанна опустила глаза и следила, как по темному дереву столешницы ползет божья коровка. Я смотрела на Жанну, все еще надеясь, что она очнется и хоть что-нибудь возразит этому человеку, с которым она хотела соединить свою судьбу. Но Жанна молчала.

– А ты говорила ему, что всю бабушкину семью расстреляли? Что ее 18-летний брат погиб в битве за Москву? Что он не имеет права рассуждать о том, чего не знает?

Бабушка вскинула взгляд. Подозреваю, что у меня раздувались ноздри. Жанна поморщилась, точно ей жала обувь, и сказала то же, что и обычно, когда у меня случался очередной взрыв эмоций:

– Не истери.

Дерек благодушно наблюдал за этой беседой, не понимая ни слова. Он не был плохим человеком, он не страдал русофобией, как многие иностранцы, он никого не хотел специально обидеть – он просто и совершенно искренне излагал свое видение России на основе прочитанного в американских газетах и увиденного в Голливуде. Я навсегда запомнила изумленное лицо Дерекка, когда, оттолкнувшись от перил, схватила тарелку с недоеденным, чуть теплым борщом и опрокинула ему на голову.

С Дерекком Жанна рассталась через год, так и не сходяв замуж. Вскоре после этого на каком-то из модных показов она познакомилась с французом, обладателем квартиры в Каннах и небольшой яхты. Француз был невероятно привлекателен, и Жанне приходилось вести конкурентную борьбу с другими женщинами, а иногда и мужчинами, которые липли к Шарлю в невероятных количествах. Она почти ничего не ела. Когда я видела сестру в последний раз, та была похожа на бесплотное создание с огромными, наполненными синью глазами. Еще через год из Парижа раздался звонок ее подруги: Жанна умерла от сердечного приступа во время утренней пробежки в компании Шарля. Потом мне несколько месяцев снился один и тот же сон: дача, самовар, переворачиваю тарелку с борщом на голову мужчины, думая, что это Дерек, но, когда кровавые потеки стекают с его лица, вижу, что это Шарль.

«Для молодой девушки у тебя довольно консервативные настроения», – сказал шеф-редактор программы новостей, в которую я пришла на третьем курсе университета. Консервативные настроения, с его точки зрения, заключались в том, что я существовала как бы вне общего тренда стесняться всего отечественного. Среди трухи и пепла я умудрялась находить мелкие самоцветы и так ловко инкрустировать их в свои сюжеты, что на секунду у зрителя мелькала в голове мысль, от которой он давно уже отвык: что-то неопределенное про великую державу. Впрочем, вскоре оказалось, что это я в тренде, а остальные нет. Буквально за несколько лет с момента моего прихода на телевидение либералы вдруг оказались на задворках общественной трибуны, некоторые бывшие подруги моей сестры вернулись на родину, разочарованные финансовой умеренностью зарубежных бойфрендов, а новогодняя Москва раз за разом давала фору европейским столицам по части иллюминации и праздничного настроения. Что там творилось в регионах, я знала только понаслышке, но происходившее непосредственно вокруг меня, воспринимала как некий реванш за подспудное чувство унижения, которое испытывала всю свою юность. Мне не надо было искусственно встраиваться в новую патриотическую концепцию, как коллегам. Мои материалы были искренними и от того – убедительными, потому что человек, уверенный в своей правоте, невольно заражает этой уверенностью других. На меня обратили внимание. Предложили должность шеф-редактора цикла документальных фильмов о русской истории. Работа мне очень нравилась, и все же в последнее время я все чаще сомневалась. Телеканал требовал резких однозначных интерпретаций, но я много читала, общалась с очевидцами, думала, сопоставляла... и, нет, не все в исторических событиях было так просто. И я уже была не тем категоричным подростком, который поливал борщом Дерекка. А после планерок у генерального продюсера и вовсе начинало казаться, что я занимаюсь каким-то богопротивным делом, направленным на разжигание межнациональной розни.

– Что это за политкорректность?! Эти твари неблагодарные, хохлы, поляки – да мы их из такого дерьма вытащили, а ты мимимишничает в сценарии! Заведи зрителя, обожги ему сердце! У них там фашистские марши, а ты в объективность играешь! Мочи этих сук, опиши фашистские зверства так, чтоб все содрогнулись!

Яков Гусарин хоть и был невысокого роста, в такие моменты словно вырастал над собравшимися темной грозовой тучей. Очки его в тонкой изящной оправе сверкали, кулаки были сжаты, а на губах, казалось, вот-вот выступит пена. Иногда он переходил на громкое шипение, из-за которого и получил кличку Аспид. Никто не смел шелохнуться. По коже бежали мурашки. Я бы не удивилась, если бы продюсер вдруг заорал что-то на немецком и начал кидать зиги.

– Чтобы мир содрогнулся! – орал Гусарин. – Не смейте мне больше приносить беззубые сценарии!

Потом ошалевшие от его одержимости сотрудники наскоро пили кофе у автомата и обсуждали, когда же у Гусарина закончится ПМС. Обычно это происходило, после отпуски, который патриотичный генпродюсер проводил, занимаясь дайвингом на Мальдивах.

* * *

День накануне был очень морозным. В девять утра я открыла глаза, пошла на кухню варить кофе и с непонятным внутренним воодушевлением наблюдала, как яснее ясного становится небо над Алтуфьево. Оно стекленело с каждой секундой и, озаренное солнцем, в какой-то момент показалось совершенно ослепительным, к нему страшно было прикоснуться даже взглядом. Я поняла: что-то должно произойти. На секунду предчувствие накрыло с головой, а потом я вспомнила: ну, конечно, я же лечу в Берлин!

В этот момент мне позвонили. Не на мобильный. И я уже знала, кто это, потому что на «городской» номер, игнорируя все достижения современной системы коммуникаций, мне звонит только один человек: мой дед.

– Кристина, проснулась, чебурашка?

Чебурашка! Любому другому мужчине, который осмелился бы так ко мне обратиться, я бы нос разбила, точно говорю. Как и за «зайчика», «солнышко», «рыбку»... ну, вы понимаете. Но в этом обращении был свой сакральный смысл, только наш с ним. Когда у мохнатого коричневого чебурашки, подаренного мне замерзшим дядей Сашей, оторвалась лапа... когда мы пришивали ее вместе с дедом... когда я просыпалась ночью, проверяя, на месте ли та самая лапа... Смешно, да? Глупо? Думайте, как хотите. Чебурашка... несуразное советское лопухое создание, единственная надежда которого – лояльное отношение окружающих...

Я ответила, что все в порядке, проснулась, собираю сумку. И тогда он попросил меня прийти. Это важно, сказал дед.

Мы жили недалеко друг от друга, на севере Москвы. И у деда в окнах маячило все то же ледяное ослепительное солнце. Это был классический момент русской зимы, которые последнее время случаются в столице столь редко, что я тревожусь за мальчиков, так и не лизнувших горячим языком железо качелей, чтобы на себе испытать обжигающее коварство этих обманчиво безмятежных дней.

Итак, за окном с хрустальным звоном замирали и падали на лету воробьи, а в квартире деда было тепло, слегка пыльно, поблескивали золотые надписи на корешках книг и пахло чаем с чабрецом. Бабушка, бабушка, обычно его заваривала бабушка, вспомнила я, но ее не было уже лет пять как на этом свете.

Дед налил нам чаю и грузно осел в кресле. Волосы у него были серебристые, как зимняя инкрустация на ветвях берез у подъезда. Глаза – большие, темно-серые, с опущенными к низу уголками. Руки – крупные, очень сильные, но какие-то... добрые. Ты понимаешь, что такими можно легко свернуть шею, но можно и выволочь утопающего из ледяной полыньи. Я же писала, что он всегда мне напоминал огромного сенбернара? Который бредет сквозь вьюгу в Альпах с бочонком рома на шее к тем, кто уже и не ожидает подмоги... Над его головой висело фото белозубой кубинской женщины с сигарой в руке. В этой квартире было много снимков, сделанных в разных точках планеты, цветных и черно-белых, больших и маленьких. Мой дед – фотограф-международник, сотрудничал почти со всеми известными советскими изданиями. Его снимки – ретроспектива мира, на который давно наложен винтажный фильтр типа сепии, но который из небытия странным образом продолжает влиять на настоящее. Фидель Кастро, Шарль де Голль, Брежнев, танки на улицах Праги, советский боец с «калашниковым» в Кабуле, Рейхстаг спустя 15 лет после Победы...

Мы немного поболтали обо всякой повседневной ерунде. А потом он изложил мне просьбу заболевшего Аркадия Фомича, переданную с подмосковной дачи: доставить в Берлин картину для его знакомой. Вот тебе рабочий адрес и ее имя, вот картина.

И дед достал картину.

Квадратное полотно в тонкой деревянной раме. На нем крупно – угол дома из серого камня, остроухий доberman с красным мячом в зубах застыл, как изваяние, глядя прямо на зрителя. На земле, рядом с псом, лежит большая кукла в белом платье. За углом просматривается клумба с красными розами. Все.

– Ммм... – я потеряла висок. – А что, собственно, хотел на сей раз сказать этим шедевром Аркадий Фомич?

– Ну, наверное, это какое-то его воспоминание, связанное с визитом в Берлин, – предположил дед. – Он уверен, что его знакомой будет приятно получить небольшой презент.

– Ничего себе – небольшой! – заворчала я.

– Ну ладно, ладно, надо поддержать старика, – миролюбиво сказал дед, хотя глаза его при этом были тревожными, как будто он боялся, что я откажусь.

Продолжая ворчать, я упаковала картину, расцеловалась с дедом и уехала.

Если честно, при всей очевидной привязанности друг к другу отношения у нас были непростые. Я интуитивно чувствовала, что дед хотел бы смягчить мою категоричную натуру. Мне не всегда это нравилось. Когда ощущаешь свою правоту, любые попытки посеять в тебе сомнения вызывают защитную реакцию (скажу честно, что эти строки пишет уже Кристина, дожившая до финала этой истории, а значит, серьезно изменившаяся и готовая к спокойному анализу). Например, он часто критиковал мои фильмы о российской истории. Подсовывал альтернативные факты и документы. Посылал в Ленинку – порыться в архивах.

– Ты либерал? – с наездом вопрошала я.

– Нет, – спокойно отвечал дед. – Я просто хочу, чтобы ты была объективным человеком.

– А если у меня есть позиция и я не готова ее менять?

– Тогда ты остановилась в своем развитии. Думающий человек всегда готов к смене позиции в связи с новыми обстоятельствами или информацией.

– Ты про тех, у которых семь пятниц на неделе? Которые всегда «и нашим, и вашим»?

– Я про тех, которые сохраняют свою позицию, но готовы принять во внимание и то, на чем основана позиция оппонента.

Короче, разговоры эти выбивали меня из колеи. Дед каким-то образом умудрялся обесценить то, что я делала – так мне тогда казалось.

Итак, я взяла картину, собрала вещи и поехала в аэропорт, чтобы полететь в Берлин, сопровождаемая песней про солнечный круг и воспоминаниями, о которых хотелось бы забыть.

Когда самолет приземлился в аэропорту Тегель, было девять вечера. Тьма. Мало огней в отличие от Москвы. Почти безлюдные улицы. Таксист объяснил, что горожане, особенно молодые, разъехались на Рождество по Европе. Отель находился неподалеку от метро Аденауэрплац. На ресепшене нас встретил худенький, прозрачный, словно креветка, юноша с кудрявой шевелюрой. Он был застенчив и слегка заикался, объясняясь на английском. Получив ключи, мы поднялись на лифте в свой номер на третьем этаже и блаженно растянулись на кроватях.

– Ну, что, какие планы на завтра? – сказала Ольга спустя несколько минут и открыла бутылку виски, купленную в дьюти-фри.

Мы ничего не успели спланировать до поездки, но в программе пребывания в немецкой столице быстро обозначились всевозможные рождественские ярмарки, универмаг KaDeWe, Чекпойнт Чарли, Рейхстаг, Музейный остров. Вполне предсказуемый набор достопримечательностей.

– Да, но только ты не забывай, что среди нас не вполне свободный человек, – заметила я. – У меня есть обязанности – найти Марту Нойманн.

– Ох ты черт, – сочувственно отозвалась Ольга. – Покажи картину.

Я содрала с полотна упаковочную бумагу. Некоторое время Ольга тихо разглядывала «шедевр» Аркадия Фомича.

– Ну ты же видишь, что это полная ерунда, – прервала молчание я. – У старика есть неплохие картины, но здесь, по-моему, что-то пошло не так.

– Не согласна, – к моему удивлению, ответила Ольга. – Ты разве не чувствуешь напряжения? Как будто через секунду что-то должно случиться? Доберман вскочит с места и убежит? А кукла... кукла так и останется валяться на земле, всеми позабытая. Что-то нервное есть в этой картине.

Я промолчала. Возможно, Ольга права. Возможно, она сумела поймать то самое ощущение, которое я не смогла выразить словами, впервые взглянув на полотно.

Сделав по глотку виски, мы еще раз обсудили завтрашние планы и легли спать.

Следующий день прошел великолепно. Во-первых, рядом с отелем мы обнаружили очень уютный ресторанчик со старинными пишущими машинками в качестве элементов антуража и витражными люстрами «тиффани». Там наливали прекрасное пиво и подавали идеально томленую свиную ногу в сопровождении квашеной капусты. Гигантской порции хватило на двоих. Во-вторых, мы добрались до Бранденбургских ворот и пообщались с немецкой семьей, которая стояла у большой ели с гигантским плакатом в поддержку России, страдающей от европейских санкций. У художавого главы семейства были горящие глаза фанатика, у его женщины – синие волосы и добродушная улыбка, а десятилетний сын, изнывая от скуки, бегал вокруг демонстрантов, чтобы согреться. Собственно, на них никто не обращал внимания, даже полиция, поэтому, увидев наш интерес, протестующие приободрились и признались в своей любви к России. Выглядело это, конечно, очень забавно, так и просилось в телевизор, поэтому я пожалела, что со мной нет оператора, и сняла бунтарскую семейку на смартфон. В-третьих, уже в сумерках, мы отправились на Александрплац, где у подножья сверкающего колеса обозрения раскинулась веселая ярмарка, пахнувшая сосисками, корицей и глинтвейном. С высоты, на которую нас вознесло разноцветное «чёртово колесо», Берлин казался пустынным, погруженным в задумчивую тьму городом с редкими островами огней. На мгновение сердце сжалось от тоски, но мы вернулись вниз, к пряникам, колбасам, рождественским ангелочкам, и в этой предпраздничной суете меня отпустило.

Проснувшись наутро, я первым делом уткнулась взглядом в картину. Доберман, казалось, еще крепче сжал зубами мяч и смотрел укоризненно.

Позавтракав, мы решили так: идем в KaDeWe, где мне заново упакуют картину. После этого я еду в Аксель Шпрингер, а Ольга остается в универмаге тратить заработанные в Москве деньги.

День был бесснежный и ветреный. Этот немецкий ветер сек так, будто решил запороть прохожих до смерти. Картина трепыхалась в руках, когда я вышла из такси у высотного, отливающего синим стеклянного здания. Там, на обломке берлинской стены, балансировал на одной ноге трехметровый человек в белой рубашке. Вторую ногу он занес над пропастью. Скульптура Стефана Балкенхола. Хрупкое равновесие между свободой и несвободой. Стена разрушена, но новые стены мы запросто строим у себя в голове. Все понятно, я об этом читала.

На ресепшне, после долгих выяснений, мне сказали, что Марта Нойманн в издательстве сейчас отсутствует, возможно, будет завтра. Какие-либо ее личные контакты предоставить отказались, что было вполне предсказуемо. Предложили передать ей картину с сопроводительным письмом. Увы, сказала я, по просьбе отправителя посылку необходимо вручить лично в руки. Бормоча под нос слово «геморрой», на выходе из издательства я врезалась в долговязого седого мужчину с кожаным кейсом. Согласно классике жанра, картина выпала из рук, я в ужасе кинулась ее поднимать.

– Oh my god, sorry! Let me help you... – воскликнул незнакомец, бросившись мне на помощь.

К счастью, с картиной было все в порядке, не пострадала даже упаковочная бумага. Мужчина с кейсом спросил, не может ли он мне чем-то помочь, и в глазах его было такое отчетливое желание продлить наше столкновение хотя бы на пару минут, что я ляпнула наугад: мол, не знаете ли Марту Нойманн? Как же, конечно, знаю, обрадовался незнакомец.

Таким образом, у меня появился «блат» в Аксель Шпрингер. Высокий человек по имени Томас Хейз оказался американским экономистом, он жил в Берлине и сотрудничал с Die Welt. Его знакомство с Мартой Нойманн было шапочным, несколько раз они встречались в редакции газеты, но ни ее личного телефона, ни адреса Томас не знал. Услышав, что я намерена вернуться в издательство завтра, он пообещал разыскать для меня эту загадочную женщину в недрах стеклянной высотки. У американца было вытянутое лицо, над ястребиным носом светились любопытством карие глаза, которые метались, словно дворники на лобовом стекле, очевидно разрываясь между выбором: смотреть на мое лицо или на красную куртку с надписью Russia. Мы обменялись номерами телефонов, и я мрачно побрела по улице в сторону Чекпойнт Чарли, подгоняемая ветром.

И так на меня нехорошо подействовал этот пограничный пункт, что остаток дня я провела в одиночестве, даже не подумав написать Ольге. Блуждала по душераздирающему Музею берлинской стены в размышлениях о том, что же такое творит с нами жизнь и какую цену люди готовы заплатить за свободу. Солдаты закладывают кирпичами окна домов, выходящие на западную часть Берлина. Под ними, в реке Шпрее, лежат утыканные гвоздями маты, чтобы тот, кто вздумает прыгнуть с крыши, не смог достигнуть другого берега. Юноша Петер Фехтер валяется под стеной, простреленный пограничниками в живот. Люди, словно складные куклы, прячутся в сдвоенных чемоданах. Машинист Гарри Детерлинг таранит на поезде стену, за которой продолжают рельсы, ведущие в другую реальность. Ганс Стрельчик вместе с семьей улетает из ГДР на воздушном шаре...

Когда продрогшая и голодная я вернулась в отель, Ольга примеряла перед зеркалом обновки с лейблом Maggsein. Среди них была прекрасная шелковая рубашка с мелким принтом из лебедей, которая заметно жала Ольге в области груди.

– Она же тебе мала, – честно сказала я.

– Вижу, – насупившись, ответила Ольга. – Но она мне понравилась, и я на что-то надеялась.

Я пожалала плечами. Это же главная жизненная ловушка: закрывать глаза на очевидные вещи, надеясь, что обойдется. Покупать рубашку, думая, что грудь на время уменьшится в объеме. Соглашаться на доставку картины, игнорируя едва ощутимое нытье в области солнечного сплетения...

На меня рубашка села идеально – настолько, что я тут же выкупила ее у Ольги, и, не переодеваясь, направилась на ужин.

В нашем ресторанчике собралась примерно та же публика, что и вчера: пара англичан средних лет, семья французов с двумя детьми и благообразный старик-немец с отливающей оловом бородкой. Над каждым из столов, расставленных по периметру небольшого зала, парил солнечный купол люстры с листьями лотоса и стрекозами, позаимствованными у оригинальных витражей Луиса Комфорта Тиффани. Настроение у меня было довольно депрессивное. Я принялась рассказывать о своем визите в Музей берлинской стены, и Ольга выразила глубокую признательность за то, что я не потащила ее с собой. Она, видите ли, вовсе не желала переосмысливать историю Германии, а желала развлекаться, покупать красивые шмотки и, возможно, познакомиться с каким-нибудь симпатичным немцем. Мироздание отреагировало на ее запрос стремительно, хотя и в несколько искаженном виде. Пожилой немец уже долгое время прислушивался к нашей беседе, вскидывая глаза всякий раз, как я произносила «Чекпойнт

Чарли». Он сидел совсем рядом, за соседним столиком, медленно прихлебывая пиво из большой керамической кружки, которая явно не относилась к числу посуды, используемой в ресторане. Украшенная медальонами с изображением каких-то мужиков (как выразилась Ольга) в париках и снабженная крышкой, такой же оловянной, как и бородка немца, который пил пиво, эта кружка выглядела вызывающе помпезно. Заметив, что я уставилась на сие странное керамическое изделие, немец сказал по-русски:

– Здравствуйте! Из какого вы города?

Сообщив, что из Москвы, я было продолжила беседу на своем родном языке, но оказалось, что эта приветственная фраза заключала в себе все познания немца в русском. Тогда мы перешли на английский, и Харольд – так его звали – рассказал, что кружка эта – коллекционная, начала 20 века. Подарок покойной жены. Мужики в париках – никто иные, как композиторы Моцарт, Вагнер, Бах и Штраус. Кружку он всегда берет с собой в бар или ресторан, потому что пиво в ней вкуснее. У Харольда была очень приятная улыбка. Встреть его Ольга лет хотя бы 30 назад, мечта о симпатичном немце была бы вполне реализована.

И тогда я спросила, в какой части Берлина жил Харольд во времена существования стены...

Помните, как называется первая глава булгаковского романа «Мастер и Маргарита»? «Никогда не разговаривайте с неизвестными». Одно время я размышляла, почему Булгаков назвал ее именно так, и нашла самую широкую трактовку: потому что любой неизвестный может сыграть для вас роль Воланда, если вы заостенели в своих взглядах на жизнь. Если хотите сохранить свой душный мирок в неизменности, не разговаривайте с неизвестными. С людьми иной национальности и вероисповедания. С людьми, чей жизненный опыт в корне отличается от вашего. С теми, кто думает не так, как вы. Потому что по закону жизненной диффузии после такой беседы вы уже не будете прежним никогда.

«Как же это я и не заметил, что он успел сплести целый рассказ?.. – подумал Бездомный в изумлении. – Ведь вот уже и вечер! А может быть, это и не он рассказывал, а просто я заснул и мне приснилось?»

Поверьте, в тот вечер я побывала в шкуре поэта Ивана Бездомного. Когда принесли счет, Ольгины наручные часы Swarovski показывали без четверти одиннадцать. Мы провели в компании Харольда около четырех часов. Я бродила по улицам Восточного Берлина, где вьющиеся трамвайные пути внезапно обрывала стена-гильотина. Где люди устанавливали вблизи ограждения стремянки и взбирались на них, чтобы помахать родственникам из западной части города. Жена Харольда, школьная учительница Ирма, однажды чуть не уронила их маленького сына, пытаясь поднять его как можно выше над головой, чтобы показать своей сестре. Где соседи Харольда втайне рыли подкоп, совсем как герой Стивена Кинга в «Побеге из Шоушенка», чтобы одной особенно темной и безрадостной ночью нырнуть в него всей семьей.

– Это просто трэш, – сказала Ольга по дороге в отель. – Ты не могла бы посылать правильные запросы в космос? И не общаться с людьми на мрачные темы? Я не усну теперь.

Конечно же, она уснула. А вот я сомкнула глаза только под утро, убивая мухобойкой жужжащие в голове мысли.

И проснулась тоже раньше Ольги, хотя был уже почти полдень. Впервые за все эти дни в Берлине в прорезь небесных ставень робко сунулось солнце. Ёжась в пижаме, я вышла на узенький балкон. Внизу проезжали редкие машины. Пожилая женщина (о, боже, сколько же стариков в этом городе!) на противоположной стороне улицы выгуливала собачку неопределенной породы. Вдруг немка остановилась и подняла голову, глядя на меня. Казалось, у нее есть какой-то вопрос. На всякий случай я помахала рукой, но собачка гавкнула и потянула хозяйку дальше по улице. Я увидела, что своей спиной женщина закрывала граффити на стене.

«Coming soon» гласили на английском кривые буквы красного цвета.

* * *

Я только вышла из автобуса неподалеку от Аксель Шпрингер, когда мне позвонил Томас Хейз.

– Марта Нойманн через полчаса куда-то уезжает, если вы поспешите...

Я поспешила, но фройляйн Нойманн (я нигде не встречала упоминаний о том, что она замужем, поэтому решила звать ее фройляйн, хотя это обращение шло ей, как корове седло) была проворнее. Не успела я подойти к издательству, как навстречу выскочил Томас, сокрушавшийся, что немецкая журналистка только что села в такси. Он указал на отъезжающий автомобиль бежевого цвета.

– У меня машина, можем ее догнать! – заявил американец. Глаза его мерцали, как проблесковые маячки, из чего я сделала вывод, что имею дело с подростком преклонных лет, который в детстве обожал книжки Фенимора Купера про индейцев и погони.

Мы запрыгнули в черный «мерседес». К счастью, такси Марты Нойманн слегка замешкалось на светофоре, поэтому мы не слишком отстали. От цели меня отделяли старый «фольксваген» и пассажирский автобус.

– Но вы сказали ей обо мне? – поинтересовалась я.

– Не успел, она очень спешила, – признался Томас. – Мне дали ее номер, сейчас позвоню и скажу, что мы за ней едем.

Но номер американец впопыхах записал неправильный – вместо фройляйн ответил какой-то недружелюбный немецкий герр, который с восклицанием «шайзе!» бросил трубку. Поэтому все, что оставалось, – преследовать эту чертову немку в лучших традициях фильма «Такси». Впрочем, одному из нас это точно нравилось: Томас, казалось, сбросил лет двадцать, постоянно болтал и шутил на свой прямолинейный американский лад.

Я бы с удовольствием поделилась описанием долгой захватывающей погони по рождественскому Берлину, но, несмотря на рвение Томаса, она оборвалась довольно быстро. Автобус с неповоротливостью бегемота неизбежно вставал у нас на пути, загораживая такси. Через пару улиц машина Марты Нойманн проскочила на зеленый свет, а мы не успели. Томас выругался и виновато посмотрел на меня. А я обреченно посмотрела на картину и сообщила, что хочу выпить. Мы остановились у первого попавшегося паба с дверью, обвешанной мигающими гирляндами, где я заказала красного вина, а Томас – капучино. В конце концов, размышляла я, можно передать картину через американца – на тот случай, если отловить Марту Нойманн не получится. Правда, в этом случае Томасу придется долго и безуспешно объяснять, что символизирует доberman с мячом (хотела бы я и сама это знать) и причем здесь русские. Вот это поездочка...

– Вы когда-нибудь бывали в немецкой опере? – поинтересовался вдруг Томас.

– Нет.

– Пойдемте сегодня вечером, я приглашаю.

Я сказала, что не могу бросить подругу, но американец ответил, что купит столько билетов, сколько нужно, чтобы я наконец-то перестала думать о Марте Нойманн и немного развлеклась. Таким образом, вечер мы провели втроем. Наблюдали, как ведьма в черной остроконечной шляпе пытается сожрать заблудших Гензеля и Гретель, завывая на весь зал по-немецки. Томас и Ольга быстро нашли общий язык на почве экономической журналистики и отправились после оперы в ресторан. А я пошла спать. Я слишком устала гоняться за неуловимой фройляйн Нойманн по следу из хлебных крошек, которые насыпал мой дед.

До Рождества оставалось два дня, когда снова позвонил Томас.

– У нашего коллеги завтра день рождения, мы собираемся на ужин в одном ресторанчике в районе Шарлоттенбурга. Марта Нойманн там будет. Кстати, я сказал ей о вас, она заинтересовалась, – сообщил он.

– Как же я приду на чужой праздник? – засомневалась я.

– Имениннику я о вас тоже сказал. Ему интересно будет пообщаться с русской журналисткой.

– Спасибо, Томас. Я только передам картину и уйду.

Нужно ли говорить, что, когда я явилась на торжество, Марты Нойманн там не было?! А существует ли эта женщина на самом деле, раздраженно думала я. Призрак. Она похожа на призрак. Томас смотрел на меня с сочувствием.

– Марта заболела, – сказал он. – Но она живет неподалеку, так что вы можете передать ей картину дома. Оставила адрес.

...Я стою у старого особняка грязно-бежевого цвета. Смотрю вверх, где барельефы, где мутное темное небо и мельтешение бесчисленных капель, где загораются и гаснут незнакомые окна. Помню этот момент, как сейчас. Иногда он снится, этот дождь на моем лице. Мгновение до истины.

Консьерж впустил меня внутрь. Я поднялась на второй этаж и на секунду застыла перед черной дверью с красивой бронзовой ручкой в виде розы. Потом позвонила.

Открыла высокая пожилая женщина с коротко стриженными седыми волосами. Яркие синие глаза-льдинки. Спокойный голос. Стать. Марта Нойманн была похожа на балерину в отставке.

– Вы из России? Томас сказал, что у вас ко мне дело, – сказала она по-русски почти без акцента.

– Да, нужно вам кое-что передать.

Я вошла в квартиру, где пахло ужином, хвоей, где тишина вперемешку с сумерками сбивалась в клубки по углам плохо освещенных комнат. В гостиной был накрыт стол на одну персону, тут же лежали лекарства. Марта предложила мне поужинать, я отказалась и присела на диван рядом с рождественской елью, которая поблескивала в полумраке. Коротко рассказала об Аркадии Фомиче и о его странной прихоти с подарком.

– Но я не знаю человека, о котором вы говорите, – Марта выглядела удивленной. – У меня нет знакомых художников в России.

– Посмотрите картину – может быть, она вам напомнит, – предложила я.

Марта щелкнула выключателем, под потолком вспыхнула большая хрустальная люстра, осветив всю комнату. Потом сняла с полотна упаковочную бумагу.

Никогда не забуду ее лица. Будто невидимый скульптор одним прикосновением превратил его в мрамор. Будто в нем не стало ни одного кровеносного сосуда. Она молчала целую минуту, потом медленно произнесла:

– Откуда у вас это?

– Я же рассказала – друг моего деда...

– Нет, вы не понимаете... Вы даже не представляете, как это странно... Какой-то русский нарисовал... вы даже не знаете, что он нарисовал.

Она закрыла рот ладонью и ушла в соседнюю комнату. Вернулась через пару минут с черно-белой фотографией, которую протянула мне.

– Вот, смотрите.

Молодые мужчина и женщина на фоне стены дома. Женщина держит на руках маленькую девочку в платье с оборками. У их ног валяется оброненная кукла. Остроухий доберман с мячом в зубах застыл, как изваяние, глядя прямо на зрителя. За углом дома – клумба с розами...

Я не знаю, какое лицо было в этот момент у меня. Вероятно, ничуть не лучше, чем у Марты Нойманн, когда она увидела картину. Я смотрела на фото, не в силах отделаться от ощущения нереальности происходящего.

– Вы знаете, кто эти люди? Моя мама, я и мой отец, Ганс Нойманн. Его единственное фото, которое у меня есть. В 1961 построили стену, и он оттуда уже не вернулся в Западный Берлин.

Мой отец? Этот высокий светловолосый парень с печально опущенными уголками глаз... ее отец?!

– Марта... – заговорила я, пытаясь запихнуть куда подальше ком в горле, мешавший голосу пробиваться наружу. – Марта, этот человек на фото – не Ганс Нойманн. Это Иван Борисович Сергеев, мой дед.

Я произносила слова, а перед глазами мелькали страницы семейного альбома: черно-белые, потом мутно-цветные, потом все ярче и ярче – подмосковные вечера, юбилеи, пляжи на Черном море... Там были все мы, вся наша семья: дед, бабушка, мои родители, Жанна, тетя Зина, дядя Саша, я... Но ни на одном фото не было этой статной синеглазой женщины, похожей на пенсионерку-балерину, которая так не любила русский язык и так хорошо на нем говорила.

– Я... я прошу вас уйти, – сказала Марта и еще что-то говорила на немецком.

Я видела, что она держится за горло так же, как и я.

...Ну, что вам сказать? Потом я бродила по улицам в сопровождении дождя. Город был одет в черный кожаный плащ, бликующий и строгий. Он хотел, чтобы я взяла себя в руки, чеканила шаги и проводила границы. Но что вы... я оказалась очень хлипким существом. Чудом я добрела до Ксантенер Штрабе, где в любимшемся мне кафе зажгли пестрые витражные люстры-абжуры в стиле «тиффани». Там меня ждали. Я давно не заглядывала в телефон – его корезило от пропущенных звонков и сообщений. Ольга, Томас и старик Харольд с его помпезной кружкой. Тем вечером эти люди стали моей подушкой безопасности, смягчающей удар при столкновении. Но синяк, сильный внутренний кровоподтек, оставался, невидимый, еще много дней.

* * *

Нужно ли соблюдать хронологию? Очевидно, что дальше наступило Рождество, по телевизору транслировали пышные католические песнопения, я тупо смотрела на экран. Потом настал день, когда мы вызвали такси и поехали в аэропорт. Дворники смахивали с лобового стекла капли-снежинки. Мы заняли свои места на борту, и тут Вселенная снова крутанула свое ироничное колесо: в проходе между рядов стоял наш старый добрый знакомый. На нем был все тот же оранжевый пуховик, из-под которого выглядывала красная футболка. Стекла очков все так же воодушевленно мерцали. Он был абсолютно – ну, то есть натурально в стельку – пьян. Да-да, это был Канарейка. Он присел рядом с нами, на незанятое никем место.

– Хотите выпить? Я Стефан. Встречался в Берлине с моими родственниками из Югославии – они не хотят меня знать... – сказал Канарейка, сильно запинаясь. Потом нервно рассмеялся и пошарил рукой в пространстве, точно ожидая, что из воздуха соткется бокальчик виски.

– Вы... вы серб?

– Наполовину. Отец из Белграда.

Бессвязный рассказ Стефана не добавил мне хорошего настроения. К счастью, его ненадолго хватило с историей об интернациональном раздоре, который устроили в Югославии треклятые американцы. Он ушел бродить по салону дальше, пел, вновь был усмирен стюардессами... Последний раз я видела Канарейку в зоне выдачи багажа, ведомого под руки двумя полицейскими. Русские пассажиры провожали его сочувственными взглядами.

Мы получили багаж и вызвали такси. Вышли на улицу. Были сумерки, постепенно, аккордами, вступал в силу снегопад. Я стояла и думала: ну, зачем. Зачем дед послал меня туда с картиной. Почему не нашел Маргу сам. Почему не рассказал. Но внутри, не облеченное в слова и не закованное в логику, пульсировало знание, почему он поступил именно так. Я не смогла бы принять эту историю, будь она простым пересказом событий. Я могла ее только пережить. Как и Марга. Он придумал для нас лобовое столкновение как шанс начать новую жизнь. Я понимала это, но считала его трусом.

Завибрировал телефон. Я достала его из кармана замерзающими руками и прочла два сообщения, пришедших одновременно. «Ты прилетела? Дед при смерти, срочно приезжай», – написал отец. А второе пришло с незнакомого номера с иностранным кодом, и в нем было только одно слово: «Danke».

Лучшие томаты на Сицилии

*И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от незнанья.
Но злое дело – воздаянье
Само в себе, таясь, таит.*

Зинаида Гиппиус

Собирались спешно, одним днем. Разинутые пасти двух больших черных чемоданов поглощали все, что им скармливал Макс – от футболок и тюбика зубной пасты до бинокля и кипы рабочих документов. Напротив, нога на ногу, сидело отлитое из бронзы создание и, потирая курносый носик, обгоревший на заморских пляжах, объясняло, что там, куда они едут, сто процентов есть магазины, а в них – зубная паста, плавки, кроссовки и прочая ерунда, которую Макс так боится забыть. Макс раздраженно косился на свою аппетитно прожаренную на солнце сестру Варю, на ее рассыпчатые веснушки и пикантную щербинку между двумя белыми резцами в улыбающемся рту. Она так часто путешествовала, что могла собраться в путь с закрытыми глазами. Ее чемодан освежающе-мятного цвета давно был собран и с самодовольным видом стоял у входной двери, бия копытами, готовый ринуться навстречу приключениям. Будь они детьми, Макс давно отгаскал бы Варю за косички, и она с ревом побежала бы к родителям. Но Максу было сорок, а Варе тридцать, и подобные методы – увы! (подумал Макс) – не работали. А дело, между тем, пахло керосином, и Макс сейчас задавался вопросом: а соображает ли Варвара, что это никакой не отпуск, а паническое бегство, изгнание? Поначалу он был категорически против ее компании, но Тарасыч – их дядя по отцовской линии – настоял. Варя знает итальянский – и баста, сказал Тарасыч. Будет твоим личным толмачом, сказал дядя. Баста, как тут же объяснила ему Варя, тоже итальянское слово типа нашего «харэ». Хорошо было выпендриваться этой молодой сучке, не знавшей горести и получавшей любые деньги на свои прихоти, включая экзотическое образование...

Около полуночи они вызвали такси в аэропорт Кольцово. Прислонившись лбом к прохладному стеклу, Макс смотрел, как мелькают мимо пустынные улицы Уралмаша, на которых прошла большая часть его жизни. Черт его знает, что такое, но сейчас он словно видел стереографические картинки из своего юношеского прошлого – худосочный пацан с разбитыми костяшками кулаков, с опухшей губой, с дырой на новых адидасовских трениках и ощущением глубокой личной драмы по этому поводу... Вот она, Белая башня, водонапорная станция, придуманная конструктивистами, неподалеку от которой «его» пацаны забили стрелу бригаде с соседнего района. Стремительно насовав недругам по скулам, молодежь бросилась врассыпную при виде наряда милиции, и в этот трагический момент студент ПТУ Максим Черенцов ощутил легкую прохладу в левой коленке, овеваемой капризными дуновениями майского вечера. Сука!!! Дыра, сука! На новых «адиках» дыра! И дня не проходил на понтах, одобряемый завистливыми похлопываниями корешей по плечу. По оценкам пацанов, штаны были выше крыши. Их где-то добыл Михал Тарасыч, его загадочный дядя, служивший водителем в администрации Екатеринбурга. Увидев прореху следующим утром, Тарасыч неодобрительно цыкнул зубом, но посмотрел на Макса как бы с уважением...

– Честно говоря, Сицилия – это не то, чтобы прямо место мечты... Только звучит красиво. Утешает то, что мы селимся в Монделло, а это крутое тусовочное место, – прервала поток воспоминаний Варя, выныривая из ВКонтакте.

– Иди в жопу, – от души отозвался Макс. – Неужели ты полная debilка? Забудь о гламурных фотках, я щас высажу тебя на трассе, и – будь спок – Тарасыч меня поддержит.

Варя в кои-то веки заткнулась. Макс даже показалось, что она вернулась в неприглядную действительность из своих виртуальных сновидений и готова сотрудничать.

Как пробуждаются вулканы, знают только вулканологи, но людям обычно плевать на их запоздалые прогнозы – они имеют дело уже с последствиями. С неумолимо наступающим потоком магмы, обращающим в пепел то, что ты возводил кирпичик за кирпичиком всю свою жизнь.

О том, что прокуратура собирается возобновить следствие по уголовным делам ОПГ Федора Солдатова Макс рассказал Тарасыч. Дядя давно уже не крутил баранку – у него самого теперь был личный водитель. Что и говорить, двухтысячные превосходно сказались на его благосостоянии: Черенцов Михаил Тарасович стал большим человеком, владельцем крупнейшей в Екатеринбурге девелоперской компании. Пока возил на служебной машине сильных мира сего, обзавелся серьезными связями, природная смекалка помогла в остальном. Новости дядя всегда узнавал первым.

– Макс, тебе надо уехать, пока делу не дали ход, – сказал он племяннику сутки назад. – Заляжешь на дно, а я тем временем все улажу. А ты как будто в командировке – ты же не мог знать, что там прокурору в голову взбредет.

Они сидели на просторной кухне в квартире Тарасыча за пустым столом. Дядя раскручивал лимон-дирижабль, люминесцентно светившийся в вечерних солнечных лучах, и смотрел, как тот вращается вокруг своей оси. Его лицо, как всегда, казалось бесстрастным, но Макс чувствовал, что Тарасыч на взводе. Стоило Макс – вице-президенту его корпорации – оказаться под следствием, как клубочек начнет разматываться, и тогда могут всплыть дела давно минувших дней, имеющие отношение не только к его племяннику, но и к самому Тарасычу. А что мог творить Тарасыч, прокладывая себе путь к вершинам, не знал даже Макс.

Первый судебный процесс по делу бригады Солдатова состоялся десять лет назад, тогда пересажали весь костяк преступной группировки. Федор Солдатов получил пожизненный срок в колонии строгого режима. Макса и его приятеля Серегу Малышева обвиняли в убийстве бизнесмена Семёна Шаркова: Малышев дважды выстрелил в предпринимателя из обрезка, а Макс стоял в это время «на стреме», страхуя подельника. Но коллеги присяжных доводы обвинителей показались неубедительными: приятных молодых людей в приличных костюмах сегодня было сложно представить бандитами с темных подворотен. Их оправдали. Малышев долго не прожил – его сбила машина. А Макс был готов сделать лоботомию, лишь бы забыть свое кровавое уличное взросление, которое иногда являлось ему во снах. И вот шестеренки правосудия заскрежетали снова, кому-то понадобилось ворошить прошлое всего за год до истечения срока давности по преступлению. Он был уверен: копают под дядю, который слишком многим успел перейти дорогу. Копают под дядю, а закопают его...

План действий Тарасыч составил за пять минут: у его доброго старого делового партнера Луиджи есть пустующая вилла близ Палермо, и тот уже согласился пустить туда на постой Макса совершенно безвозмездно на неопределенный срок. Сам Луиджи последнее время редко навещался на Сицилию, предпочитая обитать в Сингапуре. Шенген у Макса был, билеты ему и Варе заказала дядина секретарша.

Летели с пересадкой в Москве. Макс не сомкнул глаз, пялясь в темный иллюминатор. Рядом безмятежно спала Варя, вольготно расположившись в удобном кресле салона бизнес-класса. Он смотрел на сестру и думал: кем бы она стала, родившись лет на десять раньше? Будь она его ровесницей? Как бы сложилась ее судьба в той обнищавшей после девяностых семье рабочих, в которой рос он сам? Стала бы ночной бабочкой, как их соседка по лестничной клетке? Но нет, Варю ангел-хранитель привел в мир гораздо позже. Пока она заплетала косички, Макс прятался с обрезом в темных дворах Уралмаша. Он поймал себя на нехорошем чувстве, словно бы обвинял сестру в том, что она не заплатила за благополучие той цены, которую сполна, безо всяких скидок, заплатил сам. Встряхнул головой, отгоняя омерзительные

мысли, поправил прядь волос на ее веснушчатом лице. Пересаживаясь в Шереметьево на рейс до Палермо, зарулил в бар, и, глядя на подступающий к панорамным окнам рассвет, опрокинул два стакана виски, не обращая внимания на вялое неодобрение сонной Вари. После этого проспал все четыре часа полета, пока лайнер не начал снижение в аэропорту имени Фальконе и Борселлино.

Дядя сказал, что до места их доставит украинец, который присматривает за виллой Луиджи. Сам не зная почему, Макс высматривал в толпе встречающих человека, похожего, на гастарбайтера, в спортивках, линиялой футболке, с помятой физиономией и, возможно, попахивающего перегаром с цибулей. Но табличку с надписью «Черенцов» держал интеллигентный блондин в белых брюках и голубой клетчатой рубашке с закатанными рукавами, расстёгнутой едва ли не до середины груди. Вид у юноши был утонченно-богемный, хотя хлюпиком Макс бы его не назвал, отметив крепкий торс и широкие плечи. Украинца звали Виталиком, он усадил гостей в машину и выехал с парковки. Рот у Виталика не закрывался.

– Я вам скажу, что Монделло – самое правильное место для того, чтобы жить в этой части Сицилии. В Палермо селиться не стоит: далеко до моря, днем раскаленный камень... Вся тусовка в Монделло. Пляж, правда, маловат, но зато красивый. Но от виллы до него далеко пешком, минут тридцать.

– Возьмем машину напрокат, – отозвалась Варя, озирая окрестности. Любоваться, впрочем, пока было не на что: слева мелькали ничем не примечательные строения, справа тянулась бледная каменная гряда.

– Смотрите! – вдруг заорал Виталик, указывая пальцем вперед. – Вон тот постамент! Это место, где взорвали Фальконе!

За окном пролетела красная стела с надписями на итальянском.

– Это еще кто? – буркнула Варя.

– Ты вообще-то название аэропорта видела? – решил поддеть ее Макс. – Аэропорт имени Фальконе и Борселлино. Могла бы поинтересоваться, кто они такие, хотя бы для общей эрудиции.

Варя скорчила рожу, а Виталик рассказал историю о двух борцах с мафией – судьях Джованни Фальконе и Паоло Борселлино. Макс слушал вполуха: он посмотрел слишком много фильмов про коза ностру, чтобы не знать о событиях 23 мая 1992 года на этой самой трассе из аэропорта. Макс попытался представить себя на месте Фальконе: вот он едет со своей женой, он знает, что за его головой идет охота, но у него бронированный автомобиль и трое телохранителей в эскорте... Никто и предположить не мог, что мафиози заминируют целый участок дороги. Новости по всем телеканалам. Хлопки пробок от шампанского – мафия ликует.

– А Борселлино взорвали через два месяца, – завершил свой рассказ Виталик. – Но зато мафии в стране больше нет, государство жестко сажает остатки бандитов. Да, не советую с местными говорить на эту тему: это их боль. Многие считают Марио Пьюзо негодяем. После того, как он написал «Крестного отца», у Сицилии ужасная репутация.

Варя серьезно посмотрела на Макса. Он прочел ее мысли. Из всех возможных мест на земле, пустующая вилла для него почему-то нашлась именно на Сицилии.

Они въехали в зеленый район с фешенебельными домами, сделали несколько зигзагов по узким улицам. Виноградные листья трепетали за заборами, солнце припечатывало их прохладные тени к земле. Широкие кроны пиний, родителей Пиноккио, словно пляжные зонты, укрывали от зноя уютные скамейки во дворах. Виталик остановил машину у ворот с кованой решеткой, за которой проступало старинное здание. Широкий двор, мощный крупной брусчаткой, залит солнцем и усыпан сухим листом какого-то неизвестного дерева, как будто бы на календаре был вовсе не июль. Макс вышел из машины и взялся руками за теплые прутья решетки, не в силах понять, что с ним происходит. Место ему было знакомо. Этот горячий камень, эти листья, эти стены в глубине – он точно видел их раньше, быть может, во сне, или в

другой жизни, если бы верил в другие жизни. Необъяснимая эмоция неопишуемой силы спиралью обвилась вокруг позвоночника, по спине бежал холодок. И когда Виталик отворил ворота, когда они вошли внутрь, Макс продолжал узнавать то, что не могло быть узнанным.

Здание оказалось небольшим замком из желтого камня. Две башенки с длинными стрельчатыми окнами, обрамляли по бокам двухэтажную центральную часть с ажурными балконами, украшенными цветами. Верхушки башен венчали резные зубцы, напоминавшие об итальянском происхождении московского Кремля. Это не какая-то там обыкновенная вилла, пояснил Виталик, а памятник архитектуры 18 века. Часть дома пустовала в ожидании реконструкции, из обитаемых помещений были доступны кухня, столовая, библиотека с деревянными стеллажами книг до потолка и несколько гостевых комнат. Пыльный свет из окон с венецианскими шпросами, дремлющие каминные, мириады картин на стенах – чужая, таинственная жизнь с пожелтевших страниц. Отчего же все кажется таким близким, таким знакомым, умиротворяюще-печальным, будто бы после долгого плавания ты, наконец, прибыл в гавань и сил путешествовать дальше не осталось?

Варя радостно носилась по комнатам, верещала, перекрывая всех птиц в саду, приценивалась то к одной спальне, то к другой. Макс решил занять крайнюю комнату в конце коридора, которая показалась ему самой старинной. Кинулся на кровать. Потолок разлиновали почерневшие от времени деревянные балки, напротив, над резным комодом, висела единственная на всю спальню картина, тоже темная, в золотой раме с землистыми трещинами: дева Мария в бирюзовом плаще с капюшоном, молитвенно сложив руки, возвела очи горе, глядя куда-то за угол рамы. Макс подошел к окну и сквозь листву увидел соседний дом с огромным пышным садом. Недалеко от забора чернокожий парень в приплюснутой панамке и закатанных джинсах старательно мотыжил грядки. Над ним возвышалась крупная пожилая женщина в домашнем халате и, если ей казалось, что парень недостаточно хорошо обработал кусок земли, указывала пальцем на халтуру.

– Ну, просто «Хижина дяди Тома», – усмехнувшись, пробормотал Макс.

В холодильнике они нашли горгонзоллу, прошутто, дыню и пару бутылок просекко, закупленных Виталиком. Со всей этой снедью устроились в тенистом уголке сада. Варя рвалась увидеть море, но Виталик наотрез отказался ее туда везти. Поджав губы, он предложил расставить все точки над «и». Да, он следит за порядком на вилле, отгоняет непрошенных гостей, шлет отчеты Луиджи, но личным водителем, поваром или прислугой он не нанимался. Максимум, что он готов сделать – отвезти гостей в контору по прокату автомобилей. А для того, чтобы убирать и готовить, может порекомендовать одну хозяйственную румынку, разумеется, за отдельную плату.

– Мне просто-напросто некогда, потому что творчество – в приоритете, – завершил свою пафосную речь Виталик.

Варя с Максом предпочли не уточнять, какого рода творчество тот имеет в виду. Было ясно, что перед ними напыщенный засранец. Варя, не привыкшая к мужским отказам, прошептала брату на ухо, что Виталик – гей.

– А ты вообще из какого города? – уточнил Макс, не понимая, какими судьбами такой претенциозный персонаж как Виталик мог стать стражем виллы дядино друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.